

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 6 (140)

СТРАНА МЕОТОВ - ПРООБРАЗ ЧЕРКЕСИИ

Продолжение, начало в
выпуске 5 (139).

Число таких могил увеличивается на этом могильнике в следующем хронологическом периоде – во второй половине I в. до н.э. – II в. н.э. Земляные склепы найдены в грунтовых могильниках различных городищ правобережья Кубани – Ладожском, Воронежском, Пашковском втором, Тбилисском, Казанском (Анфимов, 1946; 1952). Группа склепов с не прослеженной формой, содержащих коллективные погребения (от 3 до 5 человек), была открыта в грунтовом могильнике у ст. Владимирской (Лабинский район); датировка склепов – от II в. до н.э. до II – начала III в. н.э. (Анфимов, 1946, с. 149). В двух Ладожских склепах II в. до н.э. были широкие подквадратные камеры, содержавшие по 4 – 5 погребенных, имевших западную ориентировку. Эти склепы, как и склепы Тамани, рассматриваются как семейные усыпальницы богатых жителей городища (Анфимов, 1986, с. 50). С одним из ладожских склепов, по данным Н. В. Анфимова, связано захоронение 6 лошадей, лежавших веерообразно головами к столбу (Анфимов, 1987, с. 182). Из-за условий грунта конструкция склепов в большинстве случаев прослежена не была, но там, где удавалось проследить их устройство, это были Т-образные склепы. Некоторые из них были двухкамерными, при этом камеры примыкали к торцовым стенам входных ям. Можно предположить, что открытые в курганах «Золотого кладбища» Т-образные катакомбы были к этому времени в достаточной степени известны местному населению Прикубанья»¹⁶.

Абрамова предлагает нам сопоставительный анализ распространения катакомбного обряда (именно катакомбы типа II) у сарматов волго-донского региона и у синдо-меотского населения Азиатского Боспора.

Обзор сарматских памятников Поволжья и Дона Абрамова начинается с констатации факта мизерной доли катакомб: «У сарматских племен катакомбный обряд погребения не получил широкого распространения. Первая сводка сарматских катакомб разных типов была дана К.Ф. Смирновым. Им было учтено 35 катакомбных могил на территории Приуралья, Поволжья и междуречья Волги и Дона и дана их датировка (Смирнов, 1972). Позже сарматские катакомбные могилы рассматривались в работе М.Г. Мошковой, которая подчеркнула нехарактерность этого обряда для сарматов: катакомбы составляли 1% от общего числа погребений – на более чем 3000 могил V в. до н.э. – I в. н.э. приходится 35 катакомбных могил (Мошкова, 1983, с. 23)»¹⁷.

«К числу местных особенностей, – отмечает Абрамова, – относится обычай сооружения вне могилы, в насыпи кургана, специальных ритуальных или жертвенно-поминальных площадок, которые появляются в курганах Прикубанья более раннего времени – не позднее VI – V вв. до н.э., т.е. определенно до появления здесь сарматских племен». Еще в прото-меотский период ритуальные площадки в насыпи курганов, а также подкурганные святилища становятся весьма определенным и специфическим маркером меотской культуры.

Абрамова указывает на великолепный образец такой ритуальной площадки в кургане конца IV в. до н.э. у аула Начерзий на левом берегу Кубани (Теучежский район Республики Адыгея): «Погребение было ограблено, однако в насыпи кургана была выявлена площадка (6x6 м), покрытая слоем речной гальки, на которой лежали части бронзового пластинчатого и железного чешуйчатого панциря, два меча, амфоры и фрагменты чернолаковых сосудов; всего в погребении найдено 5 мечей, более 10 наконечников копий, наконечники стрел. Рядом с площадкой обнаружены черепа более 20 лошадей с предметами утвари.

Вокруг площадки зафиксированы остатки столбов и деревянного перекрытия, возможно, шатрового»¹⁸.

Курганы с подобными сооружениями (в насыпях и внутри) могли быть погребениями знати, а также ритуальными комплексами. Опять-таки мы встречаемся со склеповыми захоронениями: склепы сооружались из дерева, могли иметь длинный дромос и шатровое перекрытие. Рядом со склепами обязательные конские жертвы – захоронения боевых коней в парадной упряжи и более простых по изготовлению оголовьях. В Курджипском кургане (Майкопский район Республики Адыгея) в 22 км к югу от Майкопа Л.К. Галанина также зафиксировала ритуальную площадку и определила комплекс, как «пример чисто местного захоронения». Такую оценку Абрамова называет «совершенно правомерной». Аналогичный обряд отмечается Галаниной для целого ряда курганов С.-З.К. до н.э.: наличие вне могилы плит, на которых размещался панцирь или панцирь с мечом.

У озера Четук в Адыгее А.М. Лесков исследовал 4 кургана, один из которых датировал IV в. до н.э., а 3 – II – I вв. до н.э. Для комплексов характерны ритуальные площадки из глины и конские захоронения»¹⁹.

Наглядно продемонстрировав непрерывность традиции сооружения курганов в меотской среде, Абрамова делает вывод: «Таким образом, обычай сооружения курганов над погребениями знати сохраняется у меотов Прикубанья до времени возникновения курганов зубовско-воздвиженской группы и «Золотого кладбища». Обе эти группы курганов имеют близкий набор инвентаря, отличающийся не только богатством, но и большим количеством предметов вооружения, однотипного в курганах обеих групп».

Для дальнейшего анализа Абрамова обращается к диссертации С.П. Кожухова, посвященной изучению вооружения и конского убора Закубанья в так называемое ме-

ото-сарматское время»²⁰.

Внутри меотской страны Кожухов отмечает наличие трех центров концентрации воинских могильников: 1) ЗК на правом берегу; 2) район нижних течений Псекупса и Шиша; 3) район верхних течений Белой и Лабы. Значительное внимание в исследовании Кожухова уделено двум воинским могильникам на территории Адыгеи – Ленинохобльскому и Городскому (оба открыты на южном берегу Краснодарского водохранилища).

Исследование Кожухова по своей логике и главным наблюдениям является своего рода продолжением кандидатской диссертации В.Р. Эрлиха, посвященной изучению вооружения и конского убора меотского населения Закубанья в предшествующее, меото-скифское, время»²¹.

Точно также как исследование Эрлиха заново открыло для специалистов факт существования мощной и самобытной меотской культуры, влияющей на скифов, так и диссертация Кожухова «коренным образом меняет наши представления об этом регионе. Многочисленные находки предметов вооружения и конского убора позволяют говорить о наличии здесь мощного в военном отношении союза племен, сложившегося одновременно на левом и правом берегах Кубани (Кожухов, 1994, с. 18). Несомненно, что этот регион и его население играло авангардную роль на Северном Кавказе в первые века нашей эры, оказав значительное влияние и на культуру кочевников сарматов»²².

Как видим, Кожухов, Эрлих и Абрамова солидарны в том, что Закубанье не являлось заурядным регионом, примыкающим к греческой и кочевнической культурам, но напротив, представляло из себя целую страну с древними и развитыми культурными традициями и, в первую очередь, воинской, всаднической культурой. Меотское Закубанье (а также ближайшее Прикубанье) – центр всадничества и оружейной моды. Внутри меотской страны Кожухов отме-

чает наличие трех центров концентрации воинских могильников: так называемое «Золотое кладбище» на правом берегу, и двух в Закубанье: в нижних течениях Псекупса и Шиша, и в верхних течениях Белой и Лабы»²³.

Ленинохобльский грунтовый могильник был исследован А.М. Ждановским, раскопавшим 56 погребений I – II вв. н.э. В 10 погребениях содержалось по 1 скелету коня, в двух – по два. Кроме этого, в 7 погребениях содержались только конские захоронения (по 1 костяку), сопровождавшиеся погребальным инвентарем: в одном случае это была золотая гривна и две бронзовых фибулы, а в другом – меч и два сосуда»²⁴.

Захоронения коней (без людей) трактуются как жертвенно-поминальные комплексы, такие же, как в ЗВГ и ЗК. Отмечается характерный для меотских погребений обычай класть покойнику черепа коров (в 9 могилах от 1 до 4 черепов в каждой). А в одной могиле – полный скелет коровы и еще черепа.

Для этого могильника исключительно характерна значительная доля оружия в составе погребального инвентаря. Мечи, наконечники копий и дротиков показывают нам римскую тактику боя, исповедуемую меотами. В погр. 31 рядом с погребенным лежала свернутая кольчуга. Здесь же, помимо изделий из золота и серебра, найден железный светильник на трех ножках, украшенный стилизованными головками оленей.

«Погребения Ленинохобльского могильника, – пишет Абрамова, – в основной своей массе принадлежат рядовым меотам. В обряде этих могил, в первую очередь могил с наиболее богатыми погребениями, мы находим близкие аналогии в курганных погребениях знати (зубовско-воздвиженского типа и «Золотого кладбища»»²⁵.

Здесь следует все-таки добавить, что речь идет не о рядовых меотах, а о сословии воинов, оснащенных и экипированных на порядок лучше, чем современные им

кочевники самого высокого ранга с территории, например, Поволжья.

В Ленинохабльском могильнике были захоронены тяжелооруженные всадники. Таковых в меотском обществе было, скорее всего, немалое число, т. к. рядом на хуторе Городской был выявлен синхронный грунтовой могильник, также содержащий большую долю захоронений превосходно оснащенных всадников. Здесь было раскопано 20 погребений I – II вв. н. э. Форму могил из-за качества грунта в большинстве случаев проследить не удалось, но судя по расположению костей, это были H-образные катакомбы (т.е. такие, когда погребальная камера отделена от входной ямы узким отверстием-дромосом) с конскими захоронениями во входных ямах²⁶.

Обильный инвентарь представлен мечами, копьями, дротиками, стрелами, кинжалами, железными кольчугами, конской сбруей, серебряными, стеклянными и глиняными сосудами, украшениями из золота, серебра, бронзы. А.А. Сазонов датирует эти могилы II в. н.э. и вслед за А.М. Ждановским определяет эти памятники – Ленинохабльский и Городской могильники – как меото-сиракские²⁷.

Абрамова в этой связи замечает, «что термин «меото-сиракский» не совсем удачный, поскольку сираки – это «меотизированные» сарматы, в результате мы приходим к тавтологии. Видимо, более правомерно относить это население к меотам, хотя и сарматизированным, поскольку оба эти могильника находят близкие аналогии и в других синхронных памятниках Прикубанья (Усть-Лабинский, Ясенева поляна и др.): подбойные или катакомбные могилы со скелетами лошади во входной яме (Анфимов, 1951, с. 191; Дитлер, 1961, с. 144 – 148). Интересно также наличие в могильнике у хут. Городского такой детали обряда, как положение кольчу-

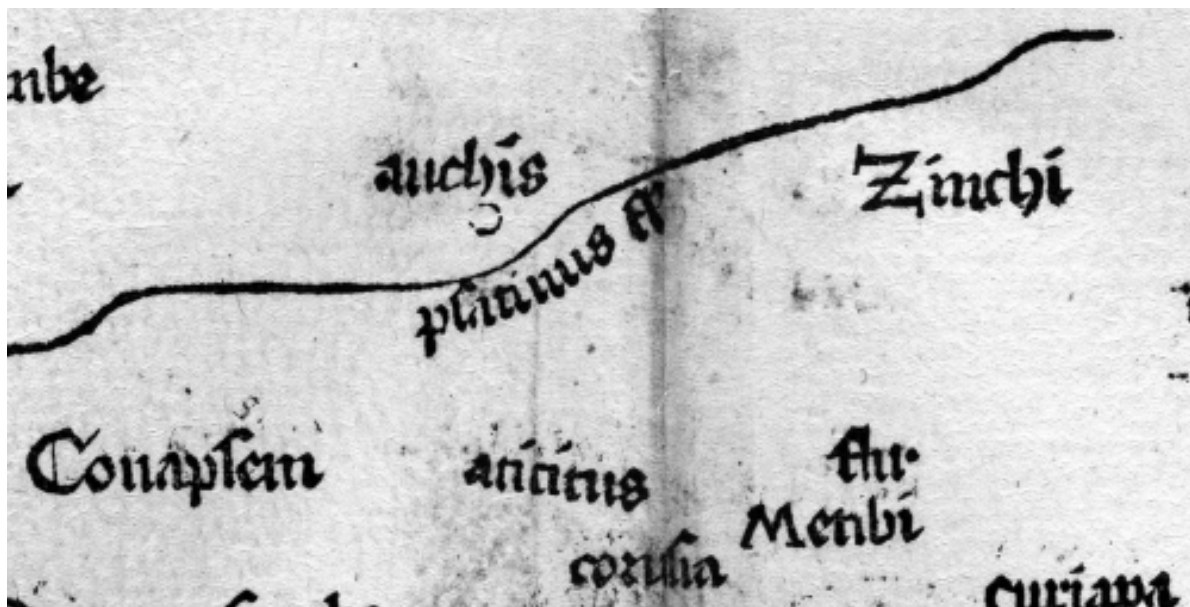
ги в могилу двумя способами: «кучкой» в ногах или за головой погребенного либо вывернутой наизнанку и помещенной в виде скрученного жгута слева вдоль тела погребенного (Сазонов, 1992, с. 249), что характерно и для других памятников Прикубанья»²⁸.

При этом «следует допустить вероятность того, что в состав меотской знати входили и представители сираков, а для позднего периода и алан. Тем не менее, видимо, можно говорить о том, что в данном случае рассматриваемые курганы являются социальным (внутри меотского общества, прим. С.Х.), а не этническим показателем»²⁹.

Дополним, что не только сираки могли входить в состав меотской знати, но и меоты могли инкорпорироваться в сиракскую элиту. Последняя с течением времени могла стать двуязычной, а сиракские «князья» могли, подобно татарским и ногайским мурзам, укрываться в автохтонной среде. Напомним, что даже самые знатные степные аристократы – представители рода Гиреев – в случае оседания в Черкесии занимали второстепенное положение в феодальной структуре адыгской страны. Многие из них так и оставались всю жизнь на положении гостя, не встраиваясь в лестницу феодальной иерархии: это были формально уважаемые, но не владетельные аристократы.

Упоминание об инфильтрации (возможной) аланов в меотскую среду теоретически возможно, но, скорее всего, таковой не было, т.к. аланы, в отличие от сираков, не имели опыта положительного контактирования с меотами. Они только появляются в пространстве между Доном и Кубанью под самый занавес существования ЗК. По данным И.И. Гузиной и И.П. Засецкой, к концу II – началу III вв. н.э. относится всего 15 погребений ЗК³⁰.

Материалы грунтовых могильников – Ленинохабльско-

Река Псатиус и племена зинхов (зинхов) и конапсенов.

го и Городского – демонстрируют нам ту этническую, социальную и культурную основу, на которой возникли курганы высшей меотской знати – ЗВГ и ЗК. Еще раз в заключение блестяще написанной главы Абрамова подчеркивает, «что обе группы курганов следует связать не с сарматами, а с меотской знатью»³¹.

Люди, захороненные в ЗК, жили в меотских городищах, а, точнее, в их цитаделях. Они – представители высшего меотского класса, аристократы-воины. Ясно, что небольшой их процент мог иметь немеотские корни, но они были неизбежно ассимилированы через своих матерей, представительниц знатных меотских родов, и через влияние меотской среды.

Меотские вожди, захороненные в ЗК и ЗВГ, могут быть охарактеризованы как феодальные сюзерены этих районов меотской страны. Меотское общество предстает в первые века н.э. стратифицированным на феодальный манер: князья, старшие вассалы, вассалы вассалов, крестьяне свободные, крестьяне крепостные, рабы.

К середине III в. проживание на равнине между Кубанью и Доном стало невозможным из-за агрессии готс-

ких племен, завоевавших Северное Причерноморье и разоривших Боспорское царство. Общая ситуация нестабильности была усилена вторжением аланских племен. В этот период меотские городища правобережья Кубани и Восточного Приазовья прекращают свое существование. По всей видимости, убедившись, что им не дадут спокойно заниматься сельским хозяйством на просторах правобережья, меоты поэтапно перешли на свои же земли по нижним течениям Псекупса, Пшиша, Белой и Лабь.

Вряд ли могущественный, опытный в столкновениях с боспорскими наемными армиями и степняками, меотский военный класс без боя уступил правобережье готам или аланам. Вполне вероятно, имели место дальние рейды меотской конницы против пришельцев. Социально-экономическая стабильность в меотской стране навсегда ушла в прошлое.

Лингвистическая связь меотов с адыгами

В названиях двух рек Северо-Западного Кавказа, указанных у Птолемея и других античных авторов – Психрус (Psychrus) и Псатис (Psatis) – содержится адыгское слово псы «вода», «река». На

реконструкциях, в том числе и у Германуса, к названиям рек приписано fluvius (в ряде случаев сокращенно – flu) – лат. «течение воды», «река».

Психрус Птолемея стал источником для появления названия Псевхрос в «Географии» Анании Ширакаци (VII в.), которой также основывался на Птолемея. А.В. Гадло подчеркивает интересное представление Ширакаци (соответственно, и Птолемея) о двух реках, стекающих с Кавказа в северо-западном направлении, «под которыми явно подразумевается Кубань и два рукава ее дельты»³².

На карте Азиатской Сарматии Германуса эти два рукава (две реки) представлены как Вардан и Психрус. У Ширакаци – Валдаки и Псевхрос соответственно.

Река Психрус (Кубань) правильно впадает в Черное море. У этой реки Германус поместил племя керкетов, которые в периплах всегда указываются как приморские жители. Северный рукав Кубани отмечен как самостоятельная река Вардан.

В названии одного из меотских племен – псессы (Psessii) также вполне очевидно просматривается элемент псы. Вслед за Птолемеем, Германус помещает их рядом с сираками в Восточном Приазовье, к северу от реки Большой Ромбит.

Синдика, вполне вероятно, восходит к адыгскому Цундыкьо «Воронья долина», где цунды «ворон, кyo «долина». Возможность транслитерации Цундики как Синдики весьма высока. Мы видим, как в условиях первой половины XIX в. гидронимы и топонимы с основой Цундыкьо заимствовались в русскую географическую номенклатуру Северо-Западного Кавказа в таких формах, как Шундук, Виндук, Виндуха, Виндакуо и пр. Также и гидроним Цопсын заимствовался в формы Цюэпсин, Чепсин, Вепсин. Родовое имя Цупако в форме Супако, Шупако, Чулако, Влако.

Еще в одном названии меотского племени конапсенов (Conapsemi), которые начертано с двух сторон устья реки Вардан (Vardanus), содержится элемент псы. Название конапсены корреспондируется с названием реки Кунипс в Западном Закубанье: это название носят речки Большой

Германус, Николаус. Карта Азиатской Сарматии, 1482 г. 41 x 59 см. Ptolemaeus, Claudius. Secunda Asiae tabula continet Sarmatia ipsius. Из книги: Ptolemaeus, Claudius, Cosmographia. Переводчик с греческого на латинский Jacobus Angelis. Картограф Nicolaus Germanus. Ulm: издатель Lienhart Holle, 1482, folio 111-112. <http://maps.bpl.org/id/m0612037>

ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЕЙ

13

и Малый Кунипс в районе р. Абин (чуть восточнее Абина, но не впадают в него, пересекаясь). Кунипс отмечен на карте 1836 г.³³

Река Купси отмечена на территории черкесского племени шегаков у османского путешественника Эвлия Челеби³⁴. Напомним, что шегаки (хегайки) расселились в районе Анапы, в непосредственной близости от черноморского устья Кубани. Челебиевская Купси точно соотносится с Копеса у Люлье и Ккопсшах у Хан-Гирея³⁵.

Весьма значительная часть имен, сохранившихся в эпиграфических памятниках меотской эпохи, происходящих с территории Боспорского царства, носит отчетливый адыгский облик³⁶.

Характерные черты меотской культуры

Этот раздел впервые был написан для книги «Черкесская лошадь», зимой 2007 – 2008 гг., и представлял собой критические заметки к обстоятельному и основополагающему труду Л.К. Галаниной о келермесских курганах. Автору представляется весьма характерной ситуация, когда высокопрофессиональный археолог и ученый, тем не менее, может очевидным образом заблуждаться в вопросах этнокультурной принадлежности изучаемого памятника.

Кардинально новый подход к проблеме этнической принадлежности подавляющего большинства курганных памятников меотского ареала, которые ранее признавались скифскими, наметился в последние десять лет – по мере выхода в свет работ В.Р. Эрлиха³⁷.

В этом отношении для нас весьма и весьма важно, что такой признанный специалист как А.М. Лесков в своем предисловии к последней (коллективной) монографии о курганной группе долины реки Уляп отметил влияние географического расположения и особенностей ландшафта Адыгеи на характер ее этнической истории:

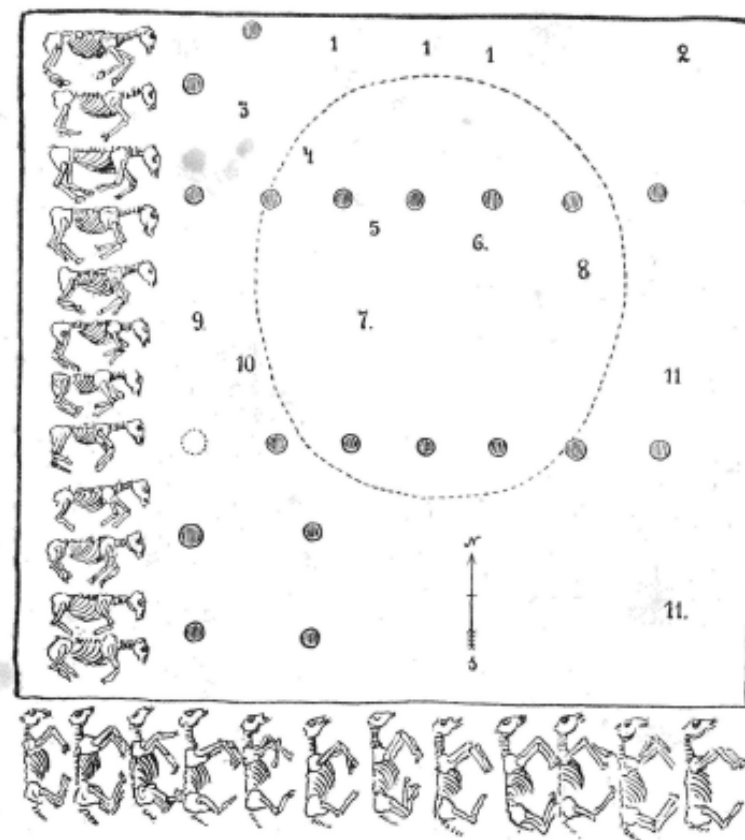
«Опыт раскопок курганов на территории крошечной Адыгеи еще в конце 19 – начале 20 века убеждает, что начиная с IV – III тыс. до н.э. и вплоть до 14 в. н.э. здесь возводились богатейшие курганы носителей знаменитой майкопской культуры эпохи энеолита, уникальные мегалитические сооружения бронзового века, роскошные скифо-меотские и сармато-меотские курганы и городища и, наконец, белореченские курганы «царских» адыгов, давшие богатейшие погребения 13 – 14 вв. н.э. Ясно, что такое уникальное скопление выдающихся памятников разных эпох не могло быть случайным. Обратившись к карте Адыгеи, легко увидеть, что южные районы республики практически примыкают к северным склонам Кавказских гор, где берут начало реки, несущие воды по территории Адыгеи с юга на север и впадающие в реку Кубань. Гойтхский, Белореченский, Псе-

ашхе, Аишхо и другие удобные перевалы соединяют Адыгею с Черноморским побережьем, Закавказьем и далее с Малой Азией, Ближним и Передним Востоком – районами древнейших цивилизаций. Еще с 4-го тыс. до н.э. эти перевалы служили мостом, соединявшим племена, обитавшие в южнорусских степях, с народами – создателями классических древностей Востока. Эти контакты прекрасно прослеживаются по материалам курганов Адыгеи эпохи бронзы и раннего железного века. С 6-го в. до н.э. на Таманском полуострове появляются древнегреческие колонии, откуда в памятники местных меотских племен проникают во все возрастающем количестве греческие импортные, среди которых встречаются подлинные шедевры античного искусства. В последующие эпохи, вплоть до позднего Средневековья, по названным перевалам проходили торговые пути. Их же использовали и для военных походов. Многочисленные реки с обилием питьевой воды, прекрасные поймы, служащие великолепными пастбищами и угодьями для охоты, лучшие в мире черноземы и мягкий климат создавали прекрасные условия для развития земледелия. Таким образом, географическое положение Адыгеи и ее природные условия во многом предопределили плотность населения и способствовали успешному развитию местных племен на всех этапах человеческого прогресса»³⁸.

Лесков подчеркивает, что на Северо-Западном Кавказе в меотское время сформировался самостоятельный культурный ареал: «Обычно считается, что самые богатые курганы V – IV вв. до н.э. находятся в северопричерноморских и приазовских степях Юга Украины и России, на Крымском и Таманском полуостровах, в непосредственной близости от древнегреческих колоний Северного Причерноморья. Все это так, но в свете новых открытий в Адыгее уже сегодня можно сказать, что здесь в то же самое время был крупный центр местной культуры меотских племен, без которого не может быть воссоздана древняя история народов, обитавших на Юге Восточной Европы»³⁹.

Уляпский курган N 5 по наблюдению Лескова являлся не просто типичным меотским святилищем, но, вполне вероятно, был посвящен богу войны «Аресу»: «Подобные сооружения никогда раньше не открывали на Юге России. Однако «Отец Истории» Геродот в V в. до н.э., описав храм бога войны Ареса, отметил, что только этому богу скифы возводили специальные храмы (Геродот, История, IV,62). Это сообщение Геродота, по моему, позволяет понять назначение святилища, открытого в кургане N 5. К сожалению, никогда не станет известна форма сооружения из хвороста (как и его подлинные размеры), о которых пишет Геродот, – хворост не тот ма-

териал, который может сохраняться две с половиной тысячи лет. Но все остальные детали сооружения и обряда, связанные с культом Ареса по Геродоту, находят очевидные соответствия в святилище кургана N 5. Прежде всего подчеркнем: по Геродоту, святилище Ареса устраивают на возвышении. Мне представляется не принципиально: на куче хвороста или на кургане – искусственной насыпи. Геродот отмечает четырехугольную площадку – на кургане N 5 она выделена бревнами. В святилище Ареса три стороны площадки отвесны, «а с четвертой есть доступ». В святилище кургана N 5 четырехугольная площадка с трех сторон окружена ровиком и доступ отсюда невозможен, ибо в ровик были вкопаны деревянные плахи, образовавшие навес, а с четвертой стороны был вход. Наконец, в центре кучи хвороста в святилище Ареса был водружен меч, и на кургане N 5 меч также был помещен в центре четырехугольной площадки. Далее, в обоих святилищах, Ареса и кургана N 5, совершались многочисленные жертвоприношения. Геродот отмечает, что Аресу приносят в жертву коней и рогатый скот «даже еще больше, чем прочие богами». Этим словам Геродота вполне соответствует картина, открытая в нашем святилище. Здесь обнаружены человеческие жертвоприношения, и об этом обряде сообщает Геродот. Думаю, что проведенное сопоставление данных Геродота о культе Ареса с итогами исследования святилища на кургане N 5 позволяет связывать последний с культом бога войны Ареса, символом которого был меч. И это несмотря на то, что сообщения Геродота относятся к скифам, а святилище на кургане N 5 оставлено меотами. Однако близость материальной и духовной культуры скифов и меотов уже давно отмечена исследователями. О единственности меотов неоднократно сообщали античные авторы. Достаточно вспомнить рассказ Полиена о меотянке Таргитао, громившей страну синдов и даже Боспорское царство, или сообщение Диодора Сицилийского о вожде фатеев (меотское племя) Арифарне, который смог отбить свою столицу от наемных войск боспорского царя Сатира, куда входили и греки, и фракийцы, и скифы. О воинственности меотов свидетельствуют и данные археологии. Так, например, мечи в могилах рядовых меотов встречаются чаще, чем у скифов. Обилие конских захоронений в святилищах и в могилах меотской знати подчеркивает значение конницы, оснащенной первоклассной сбруей, да и количество верховых коней, погребенных в меотских курганах, больше, чем в скифских. Духовная близость меотов и скифов находит яркое отражение в искусстве. Многовековые всесторонние связи этих соседних народов дают достаточно оснований счи-

Конские пожертвования в келермесском кургане 1. Раскопки Н.И. Веселовского. ОИАК, 1904.

тать, что бог войны был у меотов не менее популярен, чем у скифов, и поэтому не удивительно, что в стране меотов обнаружили святилище, которое пока еще не встречено собственно в Скифии»⁴⁰.

Захоронения коней

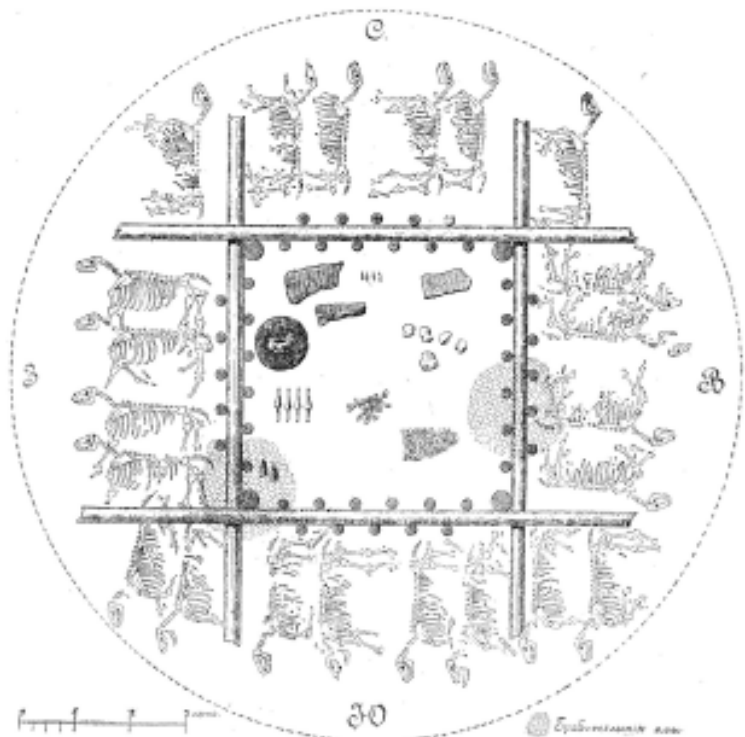
Как это ни парадоксально, но практика конских жертвоприношений самым резким образом выделяет ареал расселения меотов-земледельцев. Этот признак свидетельствует о значительном развитии коневодческой отрасли в меотском хозяйстве.

Интересно, что в Северном Причерноморье, т.е. в той самой Скифии, этногеографическое состояние которой очень точно описал Геродот и вслед за ним еще целый ряд античных авторов, конские захоронения в отдельных могилах поблизости от гробницы основного захоронения появляются только лишь в V в. до н.э., т.е. на 100 – 150 лет позже, чем у меотов⁴¹. При этом, на территории Скифии количество конских за-

хоронений в специальных могилах колеблется от 1 до 11, но чаще 1 – 3⁴².

Таким образом, цари Скифии периода ее наивысшего расцвета в V – IV вв. до н.э. выглядят не более чем бледной копией тех предводителей, которые удостоились почестей в Келермесе, где число конских жертвоприношений достигает 24 особей (кур. 1/В)⁴³. Но самый грандиозный контраст со Скифией представляет Ульский курган 1 (1886 г.), склеп которого окружали захоронения 360 лошадей!⁴⁴

С конскими жертвами сочелались, как правило, так называемые шумящие навершия, имевшие, и в этой оценке мы согласны с Галаниной, культовый характер. Необходимо отметить, что келермесские навершия имеют многочисленные аналогии именно в Закубанье, изготовлены из западнокавказского сырья, а в степь проникают примерно на 200 лет позже⁴⁵. В ритуальной практике навершия были важнейшим атрибутом и тот факт, что скифские образцы

Конские пожертвования в кургане 1 у ст. Костромской. Раскопки Н.И. Веселовского 1897 г. ОИАК, 1897, рис. 44.

генетически зависимы от меотских, доказывает еще и влияние меотов в мифо-религиозной сфере.

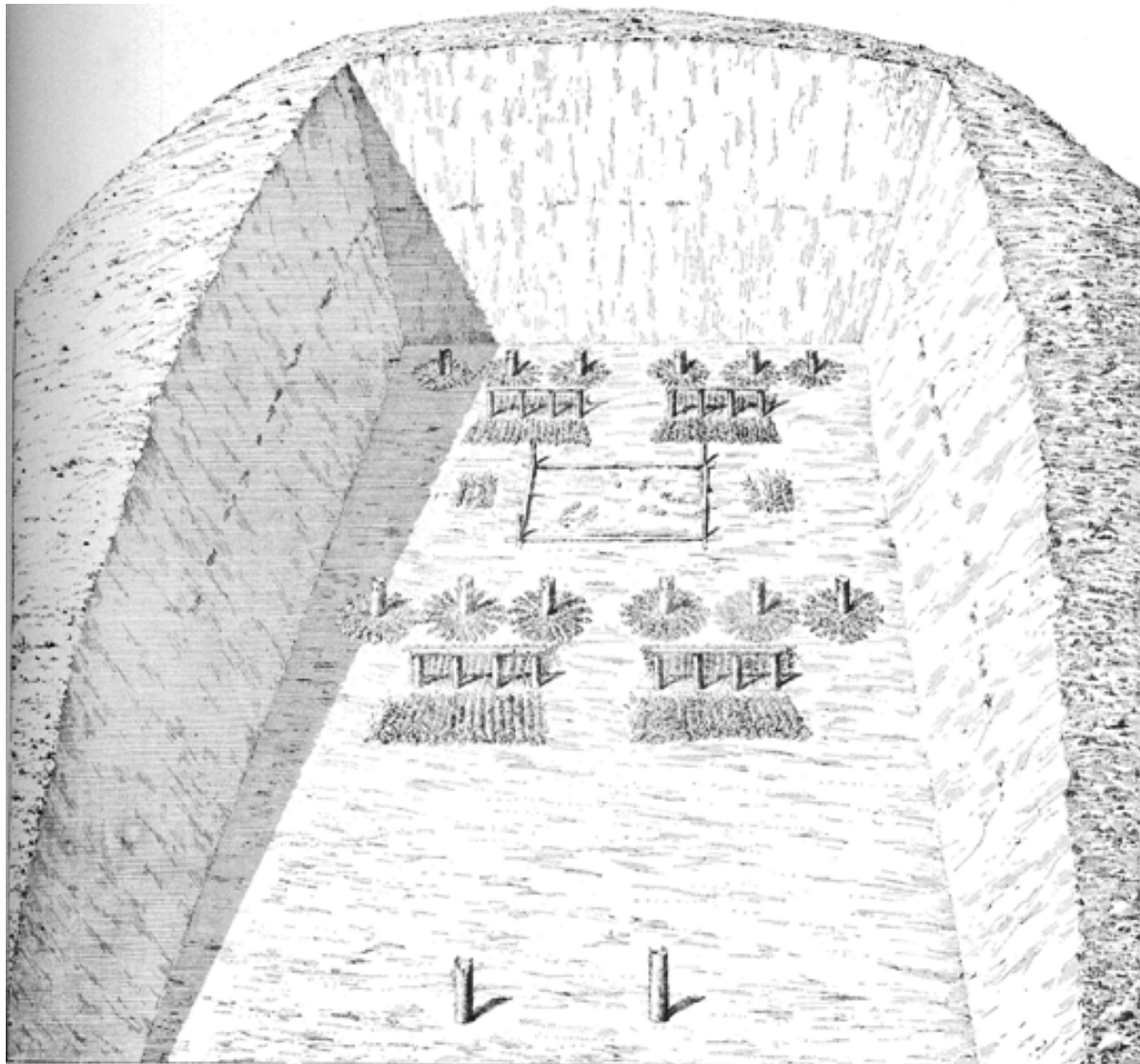
Яркой отличительной чертой Келермеса и других закубанских курганных некрополей явились многочисленные конские жертвы. В степной Скифии (здесь мы можем обойтись и без определения степной, поскольку другой Скифии за пределами Северного Причерноморья и не существовало) «захоронения взнузданных коней... получили распространение не ранее V в. до н.э.»⁴⁶.

При этом, в Скифии такие захоронения насчитывают не более 3 коней и, как правило, ограничиваются одним взнузданным конем. Дистанция между Келермесом и Скифией составляет от 150 до 200 лет, а памятники на территории Скифии, современные Келермесу, не дают ни одного примера захоронения взнузданного коня. В степях Северного Причерноморья известно всего 3 археологических скифских погребения, которые недвусмысленно указывают на тот факт, что при жизни эти скифы являлись всадниками: «в двух из них встречены только уздечные детали (удила, псалии), а в одном обнаружен конский череп без следов узды»⁴⁷.

На наш взгляд, это и есть самое фундаментальное этнокультурное отличие Келермеса от Скифии, скифского этноса, скифской культуры. Вот, казалось бы, и все. Одного этого резчайшего или даже кричащего отличия достаточно для того, чтобы оставить попытки приписать Келермес скифам. Отличие это создает самый сильный контраст между Скифией VII – VI вв. и страной меотов этих же веков. Рядовое меотское население оказывается в большей степени всадниками, чем скифская элита «Украины»! Получается, что оседлое земледельческое население хоронило с конями (еще со времен протомеотского периода, т.е. с VIII – VII вв. до н.э.), а номады, за очень редким исключением, не имели такого обряда. Сильно отставали в этом плане от меотов и предшественники сарматов – савроматы.

Столь обильные конские жертвы у меотов могут свидетельствовать именно о развитии коневодства, существовании мощного коннозаводческого хозяйства, многочисленности табунов. Кони были стратегическим ресурсом меотов и, по всей видимости, важной статьей экспортных доходов. Обмен конями, дарение коней являлось важным фактором в установлении добрососедских и союзнических отношений. В эту эпоху кони отсутствовали политике, о чем превосходно написал В.Р. Эрлих в своем обстоятельном труде о протомеотской эпохе С.-З. Кавказа⁴⁸.

Экспорт меотских коней достигал Центральной Европы и сопровождался взаимными заимствованиями в области конской узды и, в це-

Конские пожертвования в Ульском кургане 1. Раскопки Н.И. Веселовского 1898 г. ОИАК, 1901.

лом, убора, оружия и ритуальных предметов, при заметном приоритете меотской всаднической культуры.

Подкурганные святилища

Еще в протомеотский период ритуальные площадки в насыпи курганов, а также подкурганные святилища (без человеческих захоронений) становятся весьма определенным и специфическим маркером меотской культуры. Курганы с подобными сооружениями (в насыпях и внутри) могли быть погребениями знати, а также ритуальными комплексами.

Важный аспект, влияющий на атрибуцию Келермеса, при этом практически некомментируемый Галаниной, – это существование курганов без признаков погребения людей. Эта категория получила наименование подкурганных святилищ и является исключительной чертой меотской религиозной культуры⁴⁹.

Существование хотя бы одного такого ритуального сакрального комплекса в составе некрополя говорит о его меотской этнической и культурной атрибуции. В главе, посвященной погребальному обряду Келермеса, Галанина не касается этого вопроса – с формальной точки зрения и не придерешься, т.к. нет человеческого погребения, то и обсуждать нечего! А, между тем, есть что обсудить: «Некоторые из Келермесских курганов, – отмечает В.Р. Эрлих, – сейчас мы можем достаточно определенно считать не погребальными комплексами, а подкурганными святилищами с конскими жертвоприношениями – чертой, характерной для меотской культуры. Это можно сказать и

об Ульских курганах, которые также, скорее всего, являлись ритуальными, а не погребальными комплексами»⁵⁰.

В Келермесском некрополе подкурганные святилища представлены курганами 23 и 29, т.е. всей группой II. «Они также находят ряд соответствий и аналогий среди меотских святилищ более позднего времени. Следует отметить, что именно эти курганы были исследованы уже во второй половине XX в., по более совершенной методике раскопок, и мы не исключаем, что общее число культовых сооружений в Келермесе было большим... Таким образом, можно предположить, что именно эти Келермесские курганы продолжают традицию меотских святилищ, зародившуюся еще в протомеотское время в ареалах двух локальных вариантов протомеотских памятников – причерноморско-абинского и центрального. В то же время, наибольшее количество подкурганных святилищ с конскими жертвоприношениями на уровне древнего горизонта мы находим в IV в. до н.э. (в Уляпском, Тенгинском, Говердовском, Начерзийском и др. могильниках меотской культуры). Одной из характерных особенностей является частое расположение подобных святилищ на территории грунтовых могильников, что наблюдается и в Келермесском некрополе»⁵¹.

Таким образом, «эталонный скифский» могильник – в представлениях Галаниной – превращается в эталонный меотский могильник, «все типы погребальных и культовых сооружений» которого «восходят к протомеотской группе памятников»⁵².

Примечания

16. Там же... С. 28.
17. Там же. С. 31.
18. Там же. С. 40.
19. Там же. С. 41.
20. Кожухов С.П. Вооружение и конское снаряжение у племени Закубанья в меотсарматское время (III в. до н.э. – III в. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
21. Эрлих В.Р. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
22. Абрамова М.П. Курганные... С. 49.
23. Кожухов С.П., 1994, с. 17 – 18.
24. Абрамова М.П. С. 49 – 50.
25. Там же. С. 50.
26. Там же. С. 50; Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 246 – 254.
27. Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: изд-во «Меоты», 1995. С. 127.
28. Абрамова М.П. С. 50 – 51.
29. Там же. С. 51.
30. Там же. С. 51; Гушина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: «Фарн», 1994. С. 51.
31. Там же. С. 51.
32. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л.: Издат-во Ленинградского университета, 1979. С. 112.
33. Объяснительная карта к Предположениям о действиях на Правом фланге Кавказской линии в будущем 1837 году // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16.

Д. 6736. Л. 1.

34. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 63.

35. Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адыге), Абхазцами (Азег) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 177; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 80.

36. Джавахишвили И. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // Вестник древней истории. 1939. N 4. С. 330 – 349.

37. Эрлих В.Р. К дискуссии о скифах на Кубани // IV Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 319 – 323; Эрлих В.Р. «Скифский» культовый набор в меотском святилище // IV Кубанская археологическая конференция. С. 323 – 326; Эрлих В.Р., Терехова Н.Н. Древнейшие стальные изделия на Северо-Западном Кавказе (к проблеме культурных контактов в предскифское время) // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Krakow, 2004. С. 431 – 445; Эрлих В.Р. Связи древней Абхазии с протомеотскими памятниками // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 206 – 217; Канторович А.Ф., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М.: ГМБ, 2006. 232 с.

38. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV – III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: ГМБ, 2013. С. 6.

39. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья... С. 13.

40. Там же. С. 10.

41. Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: «Наука», 1989. С. 58.

42. Там же.

43. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997. С. 70.

44. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. С. 221.

45. Галанина Л.К. Келермесские курганы. С. 156, 162.

46. Там же. С. 82.

47. Там же.

48. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. С. 191 – 192.

49. Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II IV в. до н.э. М.: Наука, 2011. Глава 4: «Тенгинские курганы и феномен меотских святилищ» (с. 82 – 92).

50. Эрлих В.Р. К дискуссии о скифах на Кубани. С. 320.

51. Там же. С. 321 – 322.

52. Там же. С. 322.

(Продолжение в следующем выпуске).